

5. Форум «Легкое тупилово или логика сайта» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://forums.drom.ru/support/t1150924077.html>. – Дата доступа : 12.02.2019.
6. Бугаков, Я. Мысли о Справе / Я. Бугаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://petrimazera.com/sprava/thinksprava.html>. – Дата доступа : 16.02.2019.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/964094>. – Дата доступа : 18.02.2019.
8. Мостицкий, И. Универсальный дополнительный практический толковый словарь / И. Мостицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://mostitsky_universal.academic.ru/. – Дата доступа : 20.02.2019.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/6296/%D0%9E%D0%A2%D0%A0%D0%98%D0%A6%D0%90%D0%9B%D0%90>. – Дата доступа : 19.02. 2019.
10. Цыганенко, Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – Киев : Радянська школа, 1982. – 240 с.

The article presents the analysis of a number of verbal substantives with the final -лов- which are common in spoken language and have a reduced stylistic color. The vast majority of identified nouns has the value of active action. The substantives with the value of the state and the associated action also can be separately grouped. The word-formative formant -лов(о) which is not fixed in grammars and lexicographical sources, is proposed to be considered as an formed allomorph of the unproductive suffix -в-.

УДК 37.091.3:811.161.1'371'243

ИЗУЧЕНИЕ КОННОТАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

А. Л. Стрижак

В статье рассматривается коннотативная лексика как источник сведений о духовной и материальной культуре народа, о взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов в истории языка, о связи языка и культуры. Предметом анализа стала устаревшая и эвфемистическая лексика, а также этнонимы русского языка.

Язык является одним из основных признаков нации и неразрывно связан с историей, культурой, религией и бытом народа-носителя языка. В процессе обучения русскому языку иностранный студент учится говорить, читать, писать, слушать звучащую речь. Для овладения

коммуникативной компетенцией иностранному учащемуся необходимо усвоить некоторый лексический минимум, определенный для каждого из уровней владения языком, выработать навыки применения на практике грамматических правил русского языка. Вместе с тем опыт преподавания русского языка как иностранного (РКИ) показывает невозможность адекватной коммуникации на изучаемом языке, если этот язык изучается только как новый код, в отрыве от выражаемой им национальной культуры. Из этого следует, что успешная коммуникация в процессе изучения РКИ предполагает усвоение определенного объема культурно-исторической и страноведческой информации, которую иностранный учащийся получает благодаря знакомству с лексикой, обладающей национально-культурным компонентом значения. Богатым источником сведений о духовной и материальной культуре народа, о взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов в истории языка, о связи языка и культуры является коннотативная лексика. К подобной лексике целесообразно относить единицы языка, содержащие коннотацию, под которой понимается «семантическая сущность, узусуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [1, с. 38].

Особую трудность для иностранного студента представляет умение найти и правильно декодировать значение коннотативной лексики в публицистическом тексте, ведь именно этот стиль речи позволяет максимально использовать выразительные возможности русского слова. Обращение к подобным текстам в иностранной аудитории позволяет осуществить презентацию нового языкового материала, способствует его углубленному усвоению и служит для дальнейшего обогащения словарного запаса студентов, а также дает возможность адекватно интерпретировать авторский замысел.

Несомненный интерес представляет собой функционирование устаревшей лексики в газетных текстах. При этом следует четко отграничивать использование историзмов и архаизмов в экспрессивно-стилистических целях от употребления генетически идентичной возвращенной лексики, т. е. «части пассивного словаря русского языка, переместившейся в определенный период времени в активный словарь преимущественно под влиянием внеязыковых факторов и претерпевшей семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения» [2, с. 25]. Обязательным условием функционирования устаревших слов как прагматически заряженных единиц является наличие

у них экспрессивно-оценочного потенциала (даже если такое словоупотребление носит традиционный характер (сравн. *вассал, вотчина, жандарм, ландскнехт*)). Вместе с тем использование возвращенных слов предполагает лишь нейтральную номинацию новых объектов и явлений действительности (*губернантка, губернатор, лицей, мэр, департамент*).

Отличительной особенностью употребления устаревших слов в переносном значении является актуализация у них коннотативного компонента семантики, верное определение которого развивает навыки лингвистического анализа текста иностранными учащимися.

В ходе изучения устаревшей лексики считаем важным определять пути актуализации значения подобных слов в публицистических материалах:

1) **Традиционная актуализация** коннотативного значения предполагает использование в экспрессивно-оценочной функции такого слова, переносное значение которого имеет словарную фиксацию: *Лекарь российской экономики* (АиФ, окт. 1995); сравн. *лекарь* ‘кто-л. или что-л., способное облегчить физические или нравственные страдания’.

2) **Узуальная актуализация** коннотативного значения происходит в случае регулярного употребления в газетном тексте такой устаревшей лексемы, метафорическое значение которой пока не получило отражения в лексикографических источниках: *В народ идут то президент, то спикер, то бояре помельче...* (НГ, апр. 1993); сравн.: *боярин* ‘в Древней Руси: крупный землевладелец; звание служилых людей; лицо в этом звании’.

3) **Окказиональная актуализация** коннотативного компонента значения имеет место при неожиданном, единичном использовании историзма (реже – архаизма) в тексте газеты: *Но есть и еще более непримиримый критик – нью-йоркский сиделец З. Позняк* (СБ, дек. 1998); сравн.: *сиделец* ‘лавочник, торгующий в лавке по доверенности купца’.

Анализ материала в указанном аспекте может осуществляться под руководством преподавателя либо самостоятельно, с опорой на ресурсы Национального корпуса русского языка.

Следующая группа слов, содержащих оценочную коннотацию, – эвфемистическая лексика. Изучение подобных слов представляется весьма перспективным направлением в обучении русскому языку иностранных студентов, поскольку не только способствует овладению необходимыми знаниями, позволяющими приобщиться к материальной и духовной культуре народа, но и помогает осознать специфические черты современной отечественной действительности. Не лишним будет отметить, что изучение эвфемистической лексики целесообразно проводить на продвинутом этапе

обучения, поскольку адекватное восприятие эвфемизмов требует наличия определенного объема фоновых знаний.

В качестве примера одной из таких номинаций нами предлагается широко распространенный на страницах современных газет эвфемизм *зачистка* в значении 'оперативно-войсковые операции в населенных пунктах по проверке документов, досмотру помещений с целью выявления и задержания лиц, причастных к деятельности незаконных вооруженных формирований'. Можно утверждать, что отглагольный субстантив *зачистка* не только скрывает отрицательный денотат, но и содержит факультативную сему положительной оценки. Этому способствует внутренняя форма слова: так, глагол *зачистить* имеет значение 'сделать чистым, свободным от оболочки, окарины, сделать гладким, сровняв неровности'. Как видим, в семантике глагола легко вычленяется компонент значения 'приведение в норму', что объективно оценивается как нечто положительное и, таким образом, способствует формированию у эвфемизма *зачистка* устойчивой мелиоративной коннотации за счет ассоциаций с полезным действием: *Григорий Явлинский в своих показаниях говорит о том, что террористы согласились отпустить заложников в случае прекращения операций по «зачисткам» на территории Чеченской республики...* (Новый регион, окт. 2007). Очевидно, что правильное понимание иностранцем рассмотренных семантических трансформаций слова *зачистка* невозможно без помощи преподавателя, поскольку в современных словарях отсутствует переносное значение данной лексемы. Кроме того, для адекватного восприятия контекста не всегда бывает достаточно словарной дефиниции, что вызывает необходимость в дополнительной информации, которая в ряде случаев может быть получена только от преподавателя [3, с. 63].

Возникнув в среде военных, эвфемизм *зачистка* благодаря семантическому сдвигу очень быстро расширил сферу сочетаемости и стал употребляться для обозначения определенных действий в различных областях жизни общества. Достаточно часто слово *зачистка* употребляется как обозначение репрессивных мероприятий, осуществляемых сотрудниками правоохранительных органов: *На Урале правоохранительные органы продолжают массовую «зачистку» среди предпринимателей. В понедельник стало известно о возбуждении очередного уголовного дела против предпринимателя, которого обвиняют в уклонении от уплаты налогов* (Новый регион, март 2004).

Нами отмечены также случаи употребления слова *зачистка* для обозначения ущерба, деградации в области морально-этических отношений: *В советский период в России была произведена духовная*

зачистка, и религиозно-культурное возрождение теперь приходится начинать почти с нуля (Огонёк, окт. 2006). Заметим, что для адекватной интерпретации иностранцем подобного словоупотребления может понадобиться определенный исторический комментарий, ознакомление его со спецификой культурной, а в особенности – религиозной жизни в период СССР.

Широкое распространение эвфемизмов в языке современных СМИ, активно формирующем стереотипы речевого поведения, закономерно предполагает тщательный анализ подобных лексем на занятиях по русскому языку как иностранному. Задача преподавателя в таком случае не только в адекватной семантизации эвфемистических номинаций, их обязательном декодировании для обнаружения истинного смысла высказывания, но и в максимально полном анализе «фоновых» знаний, рассмотрении тех причин, которые программируют создание не соответствующей реальности модели информационной действительности.

Неотъемлемой частью культуры любого народа являются слова, отражающие стереотипные знания о представителях соседних наций и народностей – этнонимы, т. е. «названия различных видов этнических общностей: наций, народов, племен и др.» [4, с. 548], среди которых различаются автоэтнонимы – самоназвания этносов и экзоэтнонимы – названия, данные представителям других народов. В качестве примера коннотативно отмеченных этнонимов могут быть рассмотрены лексемы *хохол*, *москаль*, *бульбаиш*, коннотативная семантика которых будет представлять несомненный интерес для иностранных учащихся.

В современных лексикографических источниках зафиксированы лексемы *хохол* и *москаль* («Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой»; «Словарь современной лексики, жаргона и сленга»; «Большой толковый словарь русского языка»). Этноним *бульбаиш* не отмечен в современных толковых словарях, определение данного слова находим лишь в «Большом словаре русского жаргона»: *бульбаиш* – '(шутл.-ирон.) белорус', что может быть косвенным подтверждением его относительной новизны.

Не вызывает сомнений тот факт, что неофициальные этнонимы *хохол*, *москаль*, *бульбаиш* выступают в качестве ключевых, актуальных слов новейшего времени, активно функционирующих в русскоязычном (и не только) медиапространстве. Анализ материала позволил выделить 4 группы контекстов:

1 – Собственно номинативное употребление единиц (*Тетка в сюжете выходит в слезах и рассказывает, откуда стреляют хохлы* (Омскрегион, окт. 2015); *А хохлы хитро переглянулись и сбили «Боинг» сами, чтобы на Россию все свалить* (FaceNews, авг. 2015); *Всему миру теперь не до хохлов* (Stock in Focus, сент. 2015));

2 – Оценочное использование этнонимов (*Французов «заклятые друзья» зовут «лягушатниками», белорусов – «бульбашами», нас россияне называют «хохлами»* (Газета.ua, июнь 2015); *Русские сплотили в едином могучем СССР хохлов, бульбашей, хачей и разных прочих бабаев* (365news.biz, янв. 2015));

3 – Актуализация семантики (*Французские «бульбаши»: почему западные фермеры переезжают в Беларусь и как учат своих коллег земледелию* (Столичное телевидение, окт. 2015));

4 – Новое, неузуальное значение слов (*Кстати, современник Гоголя Тарас Шевченко учился в Петербурге, там же создал все свои значительные произведения, служил в русской армии, то есть был москаль* (PolitRussia.com, сент. 2015); *В сентябре 1944 года освобождал Белоруссию и Западную Украину от оставшихся там немцев и «бульбашей» (людей, недовольных советской властью)* (Рязанские ведомости, июль 2015)).

Как видим, экспрессивные этнонимы *хохол, москаль, бульбаши*, выступающие в качестве собственно номинаций, слов-ярлыков, а также шуточных прозвищ представителей украинского, русского и белорусского этносов, представляют несомненный интерес для изучения в ходе занятий по РКИ [5, с. 254–255].

Таким образом, изучение коннотативной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному способствует развитию устной и письменной речи студентов, формирует умение правильно декодировать текст и адекватно воспринимать его, а также позволяет предупредить возможные ошибки, которые могут возникать при недостаточном владении культурно-языковым кодом. Лингвострановедческая направленность подобных занятий определяет отбор и специфику языкового материала, содержащего фонтовую и безэквивалентную лексику, в то время как анализ таких единиц в составе определенного контекста формирует языковую, лингвокультурологическую и коммуникативную компетенцию иностранных учащихся.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
2. Геращенко, М. Б. Реактивизация лексики на рубеже XX–XXI столетий / М. Б. Геращенко // Гуманитарные исследования: Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2008. – № 1. – С. 24–29.
3. Стрижак, А. Л. Об изучении иностранцами номинаций-эвфемизмов в современных публицистических текстах / А. Л. Стрижак // Мат-лы Междунар. научно-методической конференции «Формирование языковой компетенции в процессе профессиональной подготовки специалистов: традиции, новации, опыт

внедрения современных технологий обучения», 24–25 марта 2011 г., г. Минск. – Минск : УО ВАРБ, 2011. – С. 63.

4. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.

5. Стрижак, А. Л. Этнонимы *хохол*, *москаль*, *бульбаиш* как актуальные слова нашего времени / А. Л. Стрижак // Славянская мифология и этнолингвистика : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т ; гл. ред. В. И. Коваль. – Гомель, 2015. – С. 234–237.

The article deals with connotative vocabulary as a source of information about the spiritual and material culture of a people, about the relationship of linguistic and extralinguistic factors in the history of a language, about the connection between language and culture. The subject of the analysis was the outdated and euphemistic vocabulary, as well as the ethnonyms of the Russian language.

УДК 811.161.1'367.335

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНЫХ СЛУЧАЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Тимошенко

В статье рассматривается связь в сочетаниях с зависимым компонентом, выраженным несклоняемым существительным, и связь в сочетаниях с обнаруживающими элементы адвербиализации формами косвенных надежей существительного. Для первого случая приводится обоснование квалификации связи как управления. Для второго отмечается переходный характер связи, обусловленный неотчетливостью частеречной принадлежности зависимого компонента, и необходимость опоры при определении вида связи на выполняемую им синтаксическую функцию.

При изучении видов подчинительной связи в словосочетании у студентов и школьников часто возникает вопрос об определении характера связи, с помощью которой зависимый компонент, выраженный несклоняемым именем существительным, связан с главным словом (т. е. вопрос о связи в словосочетаниях типа *надеть пальто*, *слушать радио*). Отсутствие способности к словоизменению у зависимого компонента, как известно, является признаком связи примыкания. Средствами выражения связи в этом случае выступают интонация, порядок следования компонентов, смысловые отношения, а также грамматически зависимая функция одного из компонентов. Опора на такое грамматическое свойство зависимого компонента, как